

**МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО,
ФОМУ ОПИСКИНА И МИХАИЛА РАКИТИНА
ХРИСТИАНСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ?**

Не задаваясь покамест вопросом, можно ли считать Федора Михайловича Достоевского христианским писателем, проанализируем те художественные образы, созданные им, по поводу которых можно без всякого сомнения утверждать — это образы христианских писателей, какими их видел и запечатлел Федор Михайлович. Условимся, что христианский писатель — это (по М. М. Бахтину) не «полифонический», а «монологический» писатель, главная цель которого — убедить читающих в истинности христианства, воспитать их в духе религиозной морали. Христианским писателем мог быть о. Зосима — но он, как Сократ, рукописей не оставил. Первым в ряду таких художественных образов стоит Фома Фомич Опискин из повести «Село Степанчиково и его обитатели». Как известно, после смерти этого писателя в его письменном столе нашли «начало исторического романа, происходившего в Новгороде в VII столетии; потом чудовищную поэму: «Анахорет на кладбище», писанную белыми стихами; потом бессмысленное рассуждение о значении и свойстве русского мужика и о том, как надо с ним обращаться, и, наконец, повесть «Графиня Влонская» из светской жизни, тоже неоконченную» (3; 130). Итак, полностью завершенными произведениями Опискина были: поэма «Анахорет на кладбище» и рассуждение о русском мужике, явно навеянное письмом «Русский помещик» из «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя. Не приходится сомневаться, что дух этих законченных творений Ф. Ф. Опискина мог быть только православно-христианским. Об их воспитательном воздействии на читателя мы скажем несколько ниже.

То, что Опискин есть пародия на позднего Гоголя, известно давно, и первооткрывателем этого был даже не Тынянов, а Андрей Краевский¹. Но менее известно, что Фома Опискин есть, так ска-

¹ Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь. К теории пародии. В кн.: Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., «Наука», 1977. С. 216.

зять, литературный сын известного христианского писателя Фомы Кемпийского: созвучие «Опискин — Кемпийский», полное совпадение имен, отчество Опискина «Фомич» — все это в совокупности вряд ли можно счесть простой случайностью². В пользу нашего предположения говорит несомненная популярность Фомы Кемпийского в России XIX века: известно, что Гоголь в 1844 году столь настойчиво в письме из Ниццы рекомендовал С. Т. Аксакову для чтения книгу «О подражании Христу», написанную Кемпийским, что раздосадованный «Отесенька» без обиняков отписал Гоголю: «Я тогда читал Фому Кемпийского, когда вы еще не родились...»³.

Опискин, как истинный писатель, живет на гонорары, ибо именно своеобразной формой гонорара, то есть дара в знак почета и уважения создателю художественных произведений, является его проживание на всем готовом в доме полковника Ростанева. Пусть его не печатают издатели — но ведь именно под его влиянием «Настенька любит читать жития святых и с сокрушением говорит, что обыкновенных добрых дел еще мало, а что надо бы раздать все нищим и быть счастливыми в бедности» (3; 166). По словам Тынянова, «Фома прежде всего литератор, проповедник, нравственный учитель — на этом основано все его влияние»⁴.

Полковник Ростанев (вдохновляемый, возможно, примером Мecenата, подарившего Горацию Сабинское поместье) намеревался подарить Фоме свою деревеньку, но русские крепостные были все же не столь бесправны, как рабы в Древнем Риме, и из-за их протеста дело не сладилось. Хороший или плохой писатель Фома Опискин — для нас в данном случае неважно. Но он именно писатель, и писатель христианский. Это — несомненный факт.

Еще один христианский писатель, изображенный Достоевским — это Михаил Ракитин из «Братьев Карамазовых». Как христианский писатель, он удачливее Опискина, ибо его «брошюру, изданную епархиальным начальством, «Житие в Бозе почившаго старца отца Зосимы», полную глубоких и религиозных мыслей, с превосходным и благочестивым посвящением Преосвященному» прочел с удовольствием не только адвокат Фетюкович, но и другие читатели: ведь «Покровительством преосвященного... полезнейшая брошюра» христианского писателя Ракитина «разошлась и доставила относительную пользу» (15; 100), то есть душеспасительное чтение читателям и денежный или неденежный гонорар автору.

² Альтман М. С. Достоевский. По вехам имен. Саратов, изд. Саратовского университета, 1976. С. 37—38.

³ Вересаев В. В. Сочинения в четырех томах, том 4 («Гоголь в жизни»). М., 1990. С. 229.

⁴ Тынянов Ю. Н. Ук. соч. С. 216.

Сторонникам зачисления Достоевского в «разряд» христианских писателей стоило бы задать самим себе простой вопрос: если в этот «разряд» полноправно и бесспорно входят и Опискин с Ракитиным, и их бесчисленные («имена же их Ты, Господи, веси») прототипы в истории русского рукописания и книгопечатания, то — место ли Федору Михайловичу в этом ряду? Он был автором «романа идей» — исследователем реальной судьбы отвлеченных идей, которые захватывают и подчиняют себе живых людей из плоти и крови, «и с рассудком, и со всеми почесываниями» — а не «идейных романов», где проповедуются и популяризируются идеи, в которые автор безоговорочно верит и анализировать которые смертному просто не подобает. О своем отношении к сочинению «идейных романов» Достоевский высказался в письме Н. А. Любимову от 19 августа 1879 г.: «Само собою, что многие из поучений моего старца Зосимы (или, лучше сказать, способ их выражения) принадлежат лицу его, то есть художественному изображению его. Я же хоть и вполне тех же мыслей, какие и он выражает, но если бы я лично от себя выражал их, то выразил бы их в другой форме и другим языком» (30, 1; 102). Поэтому нельзя считать Алешу христианским писателем: он лишь записывал слова о. Зосимы.

А теперь попытаемся разобраться, можно ли назвать Достоевского христианским писателем. Получивший образование в духовной семинарии русский критик Максим Антонович считал, что автора «Братьев Карамазовых» только так и следует называть. В своей рецензии «Мистико-аскетический роман» Антонович писал, что эта книга — «вовсе не роман, а глава из Четьи-Минеи или перевод из Acta Sanctorum... не роман, а трактат в лицах... средневековое душеспасительное чтение»⁵. О том, что из себя представляла критическая чуткость Антоновича, о его умении полемизировать и его любви к истине уже хорошо сказано Писаревым в «Посмотрим!»⁶. Однако Антонович прав хотя бы в том отношении, что он проводит четкую границу между религиозной литературой и литературой художественной, ошибаясь лишь в том, по какую сторону от этой воображаемой границы он помещает «Братьев Карамазовых». Гораздо дальше Антоновича идет незабвенный Вышинский нашего литературоведения, неподражаемый В. В. Ермилов. По его словам, имевшим силу директивного указания, «Братья Карамазовы» — «это церковнический роман»⁷.

⁵ Достоевский в русской критике. М., ГИХЛ, 1956. С. 257, 285.

⁶ Писарев Д. И. Сочинения в четырех томах, т. 3. М., ГИХЛ, 1956. С. 481.

⁷ Ермилов В. В. Ф. М. Достоевский. Очерк творчества. В кн.: Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 10 томах. Том 1. М., ГИХЛ, 1956. С. 65.

Ермилов далее как бы даже и не от себя лично, но от имени всего нашего (т. е. советского.— В. Б.) литературоведения — с конкретной, впрочем, ссылкой на проф. Л. П. Гроссмана — указывает на «некоторое увядание художественного таланта писателя в «Братьях Карамазовых». Оговорившись для соблюдения приличий, что «творческий гений Достоевского живет», Ермилов в заключительном пассаже того же абзаца повторяет уже от своего имени слова об «увядании таланта» и говорит еще о «программно-разработанном церковничестве, инспирированном реакционными кругами»⁸, повторяя проторенную им же в бытность ведущим теоретиком РАППа колею о «программных руководящих разработках» для истинно пролетарских писателей, долженствующих быть составленными РАППом в духе и по указаниям ЦК ВКП(б).

Следовательно, говорить сегодня о Достоевском как о христианском писателе — значит возвращаться к точке зрения Антоновича, Ермилова и им подобных «критиков-разоблачителей», но с переменной знака — вместо яростно отрицающей рапповской дубинки, заменявшей Ермилову знак минус, ныне в моде христианский крестик, означающий благостный плюс. Однако ложь есть ложь — и с минусом, и с плюсом: «ты мне лягушку хоть сахаром облепи, но я ее не возьму в рот, и устрицу не возьму — я знаю, на что устрица похожа». По нашему мнению, сопричисление Достоевского к «разряду» христианских, монологических писателей — изначально ложно. Обратимся же к правде, к очевидным и бесспорным фактам, необходимым для борьбы с ложью.

Федор Михайлович Достоевский был по рождению крещен согласно обрядам Православной Русской Церкви, всю жизнь был верующим православным христианином, не уклонявшимся ни в ереси, ни в инославие. Он исправно соблюдал посты, исповедовался и причащался. Войдя в брачный возраст, он венчался с Марией Дмитриевной Исаевой, а после кончины ее — с Анной Григорьевной Сниткиной. Он был примерным супругом, заботливым семьянином, хорошим отцом и отчимом; он крестил своих детей в церкви и скончался, напутствуемый священником; похоронен по обрядам Православной Русской Церкви. Все это очевидно и не нуждается в доказательствах, и мы вправе констатировать: Федор Михайлович Достоевский был христианином.

Столь же очевидно и другое — он был литератором, человеком пишущим, и жил на доходы со своего литературного труда. Итак, мы имеем право утверждать: Достоевский был пишущим христианином. Зафиксировав общее в том согласии, рассуждаем далее.

⁸ Там же. С. 66.

В 1940 году английский писатель католического вероисповедания Грэм Грин опубликовал роман «Сила и слава»⁹, в котором религиозные проблемы трактовались не догматически, а по законам реалистической прозы. Ватикан внес роман в «Список запрещенных книг» («Индекс либрорум прохибиторум»). И когда Грину был задан вопрос: «Как могли Вы, католический писатель, написать столь вредную книгу, что она попала в «Индекс»?», он ответил: «Но я вовсе не католический писатель: я — пишущий католик. Я сожалею, что мой роман внесен в «Индекс», но теперь ничего не поделаешь — книга уже разошлась»¹⁰.

Добавим, что книга попала в «Индекс» в понтификат Папы Пия XII, но уже Папа Павел VI не только снял запрет, но и сообщил автору, что роман «Сила и слава» является одним из любимых Его Святейшества художественных произведений¹¹. Эта совокупность историко-литературных фактов указывает, что не всякий пишущий христианин есть одновременно также и христианский писатель. В определении же соответствия или несоответствия произведений конкретного писателя истинно христианскому духу могут ошибаться даже такие всемирно признанные авторитеты по данному вопросу, как Римские Первосвященники, которые, по определению, вообще не ошибаются.

Мне могут возразить: «Православным католики не указ». Не вступая в полемику и по этому вопросу, дальнейшие примеры будем брать, как правило, из истории русской литературы в ее непростых взаимоотношениях с Православной Русской Церковью. Так, легко доказать, что Николай Васильевич Гоголь был пишущим христианином. Известно также, что Гоголь старался, наипаче же в последние годы своего земного существования, во всем придерживаться учения Православной Русской Церкви. В конце жизни он стал религиозным писателем, автором таких истинно христианских произведений, как «Выбранные места из переписки с друзьями», «Размышления о Божественной Литургии», «Правило жития в мире» с его душеспасительным зачином: «Начало, корень и утверждение всему есть любовь к Богу»¹².

Однако в период создания этих христианских произведений Гоголь сурово осуждал свои прежние произведения и доблестно

⁹ Грин Грэм. Сила и слава. Роман. Пер. с англ. Н. Волжиной. «Иностранная литература», 1987, № 1, 2.

¹⁰ Самарин Р. М. Курс лекций по истории зарубежной литературной критики, прочитанный на филологическом факультете МГУ в 1966 г. (рукописный конспект лекций).

¹¹ См.: «Иностранная литература», 1987, № 2. С. 166.

¹² Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. М., Сов. Россия, 1990. С. 373.

сжег собственное творение — второй том «Мертвых душ», на создание которого он затратил очень много времени и сил. Но, по мнению автора, книга была все же не вполне христианской по духу, и огонь воздал должное ее несовершенствам. Гоголь одержал победу над собственным творчеством — но победа эта была сопряжена с тяжким и непоправимым насилием и надругательством над искусством слова. На счету христианства немало аналогичных побед: достаточно вспомнить сожжение византийскими церковниками «безнравственных языческих сочинений» Алкея и Сапфо, вспомнить о судьбе не только книг Джордано Бруно и Галилео Галилея, но и их авторов... да и Гоголь ненадолго пережил свою «победу» — и, усиленно постясь, отправился на встречу со Всевышним. Нет сомнения, что в ту роковую ночь он сжег бы и «Ревизора» вкупе с первым томом «Мертвых душ», но это было уже не в его власти — и комедия, и поэма в 1852 году широко разошлись по всей Руси великой, гораздо шире, чем все душеспасительные творения того же автора.

Итак, чем истовее Гоголь стремился приблизиться к идеалу христианского писателя, тем меньше он мог быть тем, кем всегда был — «просто» гениальным писателем. Очевидно, что вопрос о принадлежности или непринадлежности того или иного писателя к «высшему разряду» писателей христианских не может решаться так, как это с наивно-лукавой прямоотой сделано, к примеру в программе IX Международных Старорусских Чтений (Дом-Музей Ф. М. Достоевского в Старой Руссе, май 1994 г.), где написано: «Достоевский как христианский писатель». А к чему приводят ошибки при зачислении людей в «высший» или «низший» разряд, хорошо показано в «Преступлении и наказании». Спор же о христианской или нехристианской сущности того или иного индивида — и, в частности, того, что им написано — уместен к рассмотрению в Трибунале Священной Инквизиции, а не в статьях и дискуссиях светских российских литературоведов и любителей изящной словесности.

Легко доказать, что граф Лев Николаевич Толстой, крещенный христианином, был, как Гоголь и Достоевский, пишущим христианином. Его перу принадлежат роман «Воскресение», в котором немало страниц посвящено вере и Православной Церкви, а также трактаты «В чем моя вера», «Царство Божие внутри нас», собственная версия Св. Писания, религиозные притчи для простого народа. Однако есть вполне авторитетное указание на то, что христианским писателем Л. Н. Толстой не был. В 1901 году Святейший Синод Православной Русской Церкви открыто и явно выступил с известным «Определением», где констатировал, что Толстой «посвятил свою литературную деятельность на истребление в умах

и сердцах людей веры христианской»¹³. Толстой не подчинился Св. Синоду, и в 1909 году заявил посланному к нему в Ясную Поляну тульскому архиерею Парфению, что «возвратиться к Церкви, причаститься перед смертью я так же не могу, как не могу перед смертью говорить похабные слова или смотреть похабные картинки, и поэтому все, что будут говорить о моем предсмертном покаянии и причащении — ложь...»¹⁴.

На станции Астапово по воле умирающего Толстого члены его семьи не допустили к нему эmissаров Православной Церкви.

Впоследствии об этом сокрушался и укорял тогдашнего тульского губернатора за нераспорядительность большой друг и политическая креатура известного своей святостью, радением о православии и прочими доблестями старца Григория Распутина, российский премьер-министр со звучной, истинно российской фамилией — Б. В. Штюрмер. По его словам, надо было «удалить силой семью и насильно ввести священника», ибо «разве можно говорить о праве, когда дело идет о возвращении Толстого в лоно Святой Церкви»¹⁵. К счастью, до такого «штурмового варианта» в Астапово дело не дошло. Однако, прояви местные власти «распорядительность» — и за исполнителями в черных рясах дело бы не стало. Бог, как говорится, уберег Церковь от такого позора, от тяжкого оскорбления не только умирающего, но и его семейства, как-никак принадлежавшего к дворянскому сословию.

По вопросу о якобы имевшей место принадлежности Ф. М. Достоевского к «разряду» христианских писателей не раз высказывались и сами православные иерархи, которые прямо или косвенно говорили о Достоевском как о нехристианском или не вполне христианском писателе. Прислушаемся же к мнению сведущих людей.

Обер-Прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев в 1897 г. утвердил определение училищного совета при Св. Синоде о неразрешении издания отрывков из произведений Достоевского для церковноприходских школ¹⁶. Архимандрит Иосиф в 1879 году указывал, что в книгах Достоевского нет должного уважения к некоторым памятникам церковной письменности и даже к житиям

¹³ Русская литература конца XIX — начала XX в. 1901—1907. М., Наука, 1971. С. 325.

¹⁴ Позойский С. К истории отлучения Льва Толстого от церкви. М., 1979. С. 129. (Все слова подчеркнуты Толстым в дневниковой записи от 22 января 1909 г.).

¹⁵ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.—Пг., 1923. С. 127.

¹⁶ Волгин И. Л. Достоевский и правительственная политика в области просвещения. 1881—1917. В кн.: Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 4 (АН СССР — ИРЛИ). Л., Наука, 1980. С. 203.

православных святых¹⁷. Церковный староста Исаакиевского Собора в Санкт-Петербурге Е. В. Богданович был христианским писателем: по изысканиям И. Л. Волгина, «его перу принадлежит множество душеспасительных брошюр»¹⁸. Но в историю русской литературы он попал не из-за них, а лишь потому, что его жена Александра Богданович ходатайствовала перед Его Высокопреосвященством Исидором, Митрополитом Новгородским и Петербургским, чтобы новопреставленный литератор Федор Достоевский был похоронен на кладбище Святотроицкой Александро-Невской Лавры.

Согласно мемуарам А. Богданович, священноархимандрит Исидор «встретил очень холодно это ходатайство, устранил себя от этого, сказав, что Достоевский — простой романист, что ничего серьезного он не написал». По И. Л. Волгину, мнение Митрополита можно считать мнением всей Православной Русской Церкви, ибо, он, за отсутствием в России Патриаршества в те годы, был первым в стране по положению духовным пастырем. Однако и ему пришлось уступить из-за вмешательства К. П. Победоносцева, который, будучи прежде всего умным человеком, понимал, что мертвого Достоевского Церковь может уже не опасаться и что ей выгоднее числить гения мировой литературы в «верных сподвижниках и поборниках веры христианской», нежели в непризнанных Церковью «простых романистах». Понимал он, как мы уже видели, и то, что если тексты Достоевского не укладываются в прокрустово ложе церковной догматики, то изданию их (во всяком случае, изданию для «простонародья» и «малых сих») он всегда сможет воспрепятствовать *ad maiorem Dei gloriam*. И Победоносцев ходатайствовал — а его ходатайство, по словам А. Богданович, было равносильно приказанию — чтобы прах Достоевского был предан земле на кладбище Александро-Невской Лавры.

Уже сказанного, пожалуй, и достаточно для уяснения того, как относилась к Достоевскому-писателю Православная Русская Церковь. Добавим в заключение, что православный русский миссионер о. Алексей прямо и без обиняков называл Достоевского вредным писателем, ибо он учит людей жизни, старается привлечь своих читателей к жизни; согласно о. Алексею, «в действительности Достоевский — вовсе не христианин»¹⁹. К этим последним словам мне, атеисту, нечего прибавить: прав о. Алексей! С точки зрения истинного христианина тот, кто учит жизни — писатель безусловно вредный; вреден он, как показала история России

¹⁷ Там же. С. 204.

¹⁸ Волгин И. Л. Последний год Достоевского. М., Известия, 1990. С. 604.

¹⁹ Там же. С. 605—609.

XX века, и для любой «головной» теории, стремящейся «пригнуть под себя действительность». Что же до Церкви, то: первого, еще детского впечатления моего от эпизода в «Преступлении и наказании», когда увещевавший несчастную вдову раздавленного Мармеладова священник «поник головою и не сказал ничего» — не изгладит из сознания никакая хитромудренная теодицея. И пусть себе «преподобные и неподобные служители всех култов», и в том числе того, который вошел в историю нашей страны под именем «культа личности», продолжают споры о том, кому из писателей числиться христианином, мусульманином, синтоистом, кришнаитом, ангажированным, прогрессивным, реакционным и так далее — а мы, атеисты, любили и будем любить писателя для всех и навсегда, а не для одних христиан только — Федора Михайловича Достоевского.

Надеюсь, все помнят пушкинские слова: «Цель поэзии — поэзия». В сущности, о том же сказал высокообразованный и глубоко верующий человек, чьи имя и фамилия в прямом переводе с итальянского языка на русский имеют значение «Благословенный Крест». Знаменитый итальянский философ Бенедетто Кроче, поборник свободы и непримиримый враг всякого духовного гнета, будь то итальянский фашизм, мировой коммунизм или доктринальная жесткость католицизма — писал в работе «Культура и нравственная жизнь» (раздел: «Вера и программы»): «Искусство воспитывает, поскольку оно является искусством, но не «воспитательным искусством». В последнем случае оно — ничто, а ничто не может воспитывать»²⁰.

Глагол «воспитывать» употреблен здесь в смысле «облагораживать, гуманизировать, очеловечивать». Однако мы знаем, что свято место пусто не бывает, поэтому «ничто» — а тем более прямая ложь, да еще и насильственно вдалбливаемая воспитуемым, действует на них в прямо противоположном направлении, растлевая и расчеловечивая их, освобождая от «химеры, именуемой совестью», от общечеловеческих ценностей, и не в последнюю очередь от тех, которые «Христос первый возвестил людям» и которые затем были попораны и извращены более других Церковью именно «православную церковь», которая «явилась иерархией, стало быть, поборницею неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми — чем и продолжает быть до сих пор»²¹. Без малого полтора века назад написаны эти слова

²⁰ Цит. по: Грамши А. Антонио Грамши о литературе и искусстве. М., Прогресс, 1967. С. 54.

²¹ В. Г. Беллинский о русских классиках. М., Художественная литература, 1986. С. 338.

в городе Зальцбрунн, в Силезии, и с тех пор «по всей Руси великой» имело место быть бесчисленное множество новых и новых подтверждений неизбежной (к сожалению) правоты неистового Виссарiona. Вспомним хотя бы советское время: гонимая поначалу властями, Церковь в конце концов пришла к столь тесному с ними сотрудничеству, что обремененность этим прошлым и ныне отягощает совесть верующих и неверующих, имеющих ее. (При обсуждении проблемы о Достоевском как о якобы христианском писателе текст «Письма Белинского к Гоголю» уместен хотя бы уже потому, что Достоевский в числе других петрашевцев был арестован именно за чтение и обсуждение этого документа).

Но следует ли вообще обсуждать эту проблему? Ведь согласившись участвовать в дискуссии такого рода, мы — хотя и неявно, хотя и по умолчанию — заранее соглашаемся в том, что **можно** делить писателей на христианских и нехристианских. А если можно это, то почему нельзя на пролетарских и непролетарских, мусульманских и немусульманских, арийских и неарийских?

Совершенно очевидно, что (опять же по умолчанию) многие наши сторонники сопричисления Достоевского к разряду христианских писателей подразумевают, что христианский писатель априори ближе нехристианского к Истине, Добру и Красоте. Ход мысли не оригинальный: еще в 40-е годы недоучившийся семинарист и известный корифей языкознания и литературоведения Иосиф Джугашвили мудро указывал, что любой простой советский человек стоит на десять голов выше самого высокопоставленного буржуазного чинуши. Эти установки вождя перепевались его сподвижниками (Ждановым, Заславским, Ермиловым, Фадеевым) в период шумного выяснения на страницах газет и в кабинетах следователей того, кто из советских литераторов является патриотом, а кто «безродным космополитом». Результатами таких дискуссий были «искалеченные судьбы, нужда, смерть, беды и страдания»²².

Рискну предположить, что благими намерениями инициаторов обсуждения псевдопроблемы о «христианском писателе Достоевском» помимо их воли сейчас мостится дорога в ад российского теократического тоталитаризма XXI века. «Вы удивляетесь? Видите ли: в спорах я люблю начинать с самой сути дела, с самого спорного пункта разом» (26; 150).

Сегодня будущий православный аятолла всея Руси еще пачкает пеленки, не ведая, как и все мы, что в «такой обычный» день

²² Борщаговский А. М. Записки баловня судьбы. М., Советский писатель, 1991. С. 74; «Правда», 28 января 1949, «Об одной антипатриотической группе театральных критиков».

его появления на свет в России Грядущий ХАМейни родился. Но аргументы для его посланий к православным всего мира с приказанием «убить, как бешеного пса, богомерзкого писаку, изблевающего гнусную хулу на Господа Нашего Иисуса ХРИСТА и святую католическую Православную Церковь» — эти аргументы уже сейчас готовятся некоторыми теперешними прозелитами православия, оттачивающими формулировки о предпочтении христианских писателей нехристианским, а русских христианских писателей — нерусским «нехристям». И если в XXI веке дело будет слажено секретно и тишком, так что голова «нехристианского» писателя, склонившегося над письменным столом, будет проломлена ледорубом, а страницы его рукописи будут залиты его же кровью — кровь эта падет и на ваши языки и руки, господу сподвижники «христианизации» текстов Достоевского для их «использования» в борьбе против «антирусских и антихристианских веяний». Ибо ложь на бумаге порождает ложь и зло в жизни, а доведенная до крайности — превращает жизнь в смерть. Достоевский предсказал, а наш век подтвердил, что где формируются в умах ложные принципы, там — наипаче же в России — находятся и идеологи, которые быстренько доводят эти идеи (сперва на бумаге) до «геркулесовых столпов», а за ними и исполнители, «да еще из самых веселых».

Тем, кто сочтет эти строки преувеличением, напомним, как в 1921 году, когда в России остро стоял вопрос буквально смертельной важности — кого из деятелей культуры и науки можно считать «пролетарским», а кого следует зачислить в «непролетарские». Александр Блок в речи «О назначении поэта» изложил свое кредо (речь эта по месту в творчестве автора и значению для потомков может быть сопоставлена с очерком Ф. М. Достоевского «Пушкин»). Блок, в частности, сказал: «Никаких особенных искусств не имеется; не следует давать имя искусства тому, что называется не так; для того, чтобы создавать произведения искусства, надо уметь это делать»²³. Следовательно, по кое-что понимавшему в этом Блоку, не существует ни «пролетарского», ни «христианского», ни «ревизионистского» и т. д. и т. п. «особенных» искусств. Тем же сочинителям, которые сейчас, когда снова разрешение от начальства печатно любить и защищать православие всем нам вышло, подвизаются на почве «прихватизирования» в сфере литературы, стараясь посмертно завербовать на свою сторону религиозного усердного сочинительства наследие великой Русской Литературы, следует напомнить, что для создания произведений искусства надо отнюдь не поститься, молиться и ездить в Иеруса-

²³ Блок А. А. Сочинения в двух томах. Том 2. М., ГИХЛ, 1955. С. 355.

лим ко Гробу Господню, что не помогло даже Гоголю, а просто «надо уметь это делать». Не следует и давать имя искусства тому, что называется не так, а является лишь плодом благочестивого усердия. Все это должно быть понято не только ради абстрактной истины, но и ради вполне конкретного личного благополучия и безопасности самих же сочинителей, их детей и внуков, их читателей... Ведь не зря писателей, пишущих «дозволенное», другой великий поэт России называл в «Четвертой прозе» «мразью», достойной «стакана полицейского чаю и битья палкою по голове»²⁴. А ведь именно это и получили от советской власти буквально все «советские» писатели — и «пролетарские», и «непролетарские», и «друзья» советского народа, и его «враги». Во всяком случае, Достоевский с царской каторги вышел живым и работоспособным человеком, а Мандельштаму даже и трупом после смерти не удалось вернуться из сталинских лагерей. Блок же, по разысканиям В. Солоухина, был тайно отравлен чекистами вскоре после речи и последних стихотворений с призывами к «немой борьбе» за «тайную свободу»²⁵.

Дело в том, что дихотомия «христианский—нехристианский», «пролетарский—непролетарский», «автоматчик партии — пособник классового врага», «арийский — неарийский», «мусульманский — немусульманский» — это воистину не догма, а руководство к действию. Согласившись рассуждать о том, кто из писателей достоин, а кто недостоин именоваться христианским, мы уже на дороге к тому, чтобы в печати или приватно, как Фаддей Булгарин, делиться со сведущими людьми в мундирах или в штатском собственными изысканиями на сей счет или, как Александр Фадеев, скреплять своей подписью списки «не наших» писателей. Стоит лишь принять на веру, что та или иная доктрина (в том числе религиозная) является единственно правильной — и все остальное приложится само собой.

В заключение убедительно прошу мыслящую часть русского общества простить меня за то, что я столь долго возился с даже и не забавной идейкой о том, что создатель жанра «полифонического» (согласно М. М. Бахтину) романа есть якобы «монологический», то есть в данном случае «христианский» писатель. Но опасность для всех нас, глубоко запрятанная «внутри» этой идеи, да послужит мне извинением.

²⁴ Мандельштам О. Э. Четвертая проза. Очерки разных лет. М., 1991 (Библиока «Огонек», 1991, № 1). С. 38.

²⁵ Солоухин В. А. При свете дня. М., 1992, с. 42—48; Блок А. А., ук. соч., т. 1. С. 458.